

УДК 94(571.150).084

ББК 63.3(2Рос-4Алт)614-3

**Политика «трудового перевоспитания» преступников
в начале 1920-х гг. (на материалах Алтайской губернии)***

Н.В. Куденко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Policy of Criminals' "Reeducation Through Labor"
in the Early 1920s (on Materials of Altai Province)**

N.V. Kudenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируется политический курс советского государства в отношении преступных элементов в начале 1920-х гг. на примере Алтайской губернии. В политической идеологии отношение к уголовникам определялось как к классу «социально близкому». Это определило постановку задачи «перевоспитания» преступников в условиях мест заключения посредством труда. В результате изучения архивных материалов соответствующего хронологического периода фондов Государственного архива Алтайского края показаны реальные условия содержания уголовных элементов в местах лишения свободы. В ходе исследования были изучены отчеты о доходах, санитарном состоянии, количестве заключенных, продовольственном снабжении двух губернских домов заключения (в Бийске и Барнауле). На основе собранной информации автор делает вывод о том, что сложности финансового, бытового, кадрового характера обусловили неэффективность и ограниченность реализации государственной политики по «перевоспитанию» преступных элементов в 1920-е гг. В результате вектор социальной политики в отношении уголовников к концу 1920-х гг. изменился в сторону усиления репрессивных мер и отказа от практики «перевоспитания» трудом.

Ключевые слова: социальная политика, «перевоспитание» преступников, дом заключения, Алтайская губерния, пенитенциарная система.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-25

Изучение политики советской власти в отношении уголовных преступников актуализируется обогатившимся в современной историографии интере-

The article analyzes the policies of the Soviet state in respect of criminal elements in the early 1920s for example of the Altai province. In relation to the political ideology the criminals was defined as the class of "socially close". This determined the formulation of the problem "reeducation" of criminals in jails by the conditions of labor. A study of archival materials corresponding chronological period, the State Archives of the Altai Territory and the State Archive of Novosibirsk Region, the article shows a picture of social reality criminals in prison. The study examined earnings reports, sanitary condition, the number of prisoners, the food supply of provincial houses of detention (in Biisk and Barnaul). On the basis of the information gathered by the author concludes that the complexity of the financial, consumer, human nature led to inefficiencies and limited implementation of the state policy on rehabilitation of criminals in the 1920s. As a result, the vector of social policy in respect of criminals by the end of the 1920s changed towards increased repressive measures and the rejection of the practice of "reeducation" labor.

Key words: social policy, "reeducation" of criminals, home detention, Altai province, the prison system.

сом к исследованию политики советского государства в отношении массовых маргинальных групп населения, существовавших в советском социуме. Политика

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Алтайского края в рамках проекта «Массовые репрессии в Алтайском крае в 1937–1938 гг.: механизм реализации и региональная специфика», проект № 14-11-22004.

в отношении преступности являлась составной частью социальной политики советского государства, которая была направлена на построение социально однородного советского общества. Преступный мир, по идеологическим представлениям советского руководства, оценивался как порождение и неизбежное наследие буржуазного прошлого, и, согласно этой доктрине, нарушители закона как «социально близкие», происходившие из рабоче-крестьянской среды, должны быть перевоспитаны и интегрированы в новое общество [1, с. 473].

В данном исследовании определяется степень эффективности мероприятий по «трудоуому перевоспитанию» и интеграции в советский социум преступников в условиях домов заключения Алтайской губернии в начале 1920-х гг.

В первой половине 1920-х гг. в Алтайской губернии существовало два дома заключения (далее — ДЗ, домзак): уездного значения в Бийске и губернский в Барнауле. Алтайский губернский ДЗ был рассчитан на 350 штатных мест, Бийский уездный вмещал 150 человек. При поступлении осужденного в дом заключения он оказывался в строгой системе с регламентирующими его жизнедеятельность правилами, расписанием, дисциплиной. Внутренний распорядок дня заключенных включал подъем в 6 утра, уборку постелей и камеры, первая утренняя поверка проводилась в 6.30 утра, далее заключенным раздавался хлеб и кипяток. В 7.30 утра с помощью звонка все предупреждались о подготовке к работе, к которой приступают в 8.00. Работа продолжалась до 12.00, далее — обед и послеобеденный отдых в течение 1,5 часов. В 13.30 арестованные приступали к работе до 17.30, в 18.00 — ужин, в 20.00 — поверка, в 21.00 — сон. При подобном распорядке день заключенного представлен тремя видами деятельности: физический труд, сон и отдых. В часы, предназначенные для отдыха, заключенные должны были посещать курсы ликбеза, обучающие лекции, кружки самодеятельности.

Важным направлением культурно-просветительной политики в местах заключения являлась работа по ликвидации безграмотности. Все арестованные в зависимости от степени грамотности разбивались на три группы (неграмотные, малограмотные и грамотные) и проходили соответствующий обучающий курс. Посещение школ грамоты было обязательным с частотой два раза в неделю, одно занятие продолжалось не менее двух часов. Помимо курсов ликбеза, в домах заключения были организованы секции: хоровая, драматическая, художественная, литературная, музыкальная. По данным барнаульского ДЗ, в секциях художественной самодеятельности в 1922 г. участвовало около 150 человек [2, л. 150об.]. Наиболее яркими проявлениями участия заключенных в художественной самодеятельности были организация оркестра и постановка спектаклей. Проводились

благотворительные спектакли и концерты, а средства, собранные от подобных мероприятий, использовались для внутренних нужд домов заключения. В Барнаульском ДЗ на собранные от двух спектаклей средства (2 200 руб.) был оборудован клуб. Силами заключенных Алтайского губернского ДЗ с 1922 г. стала издаваться газета «Голос заключенного», планировался также выпуск собственного журнала.

Культурно-просветительная деятельность, которая велась в местах заключения, была осложнена дефицитом учебников и письменных принадлежностей, нехваткой педагогических кадров, подготовленных к работе со специфическим контингентом ДЗ, так как использовавшиеся в процессе обучения меры нравственного воздействия не всегда являлись эффективными, в таких случаях при нарушении дисциплины администрация вынуждена была применять наказание: карцер, запрет прогулок, незачет трудодней.

Помимо культурно-просветительной работы, администрации домов заключения должны были решать и другие, не менее важные задачи: изоляция преступных элементов, снабжение заключенных продовольствием, организация их трудовой деятельности.

С 1 октября 1922 г. дома заключения были переведены с централизованного государственного снабжения на местный бюджет [2, л. 8]. Несмотря на переход на местное финансирование, за домами заключения оставили право на получение продовольственных госпайков. Однако количество выделяемых пайков было недостаточным для удовлетворения нужд ДЗ, что создавало серьезные трудности в снабжении заключенных едой.

Несмотря на постоянную переполненность Алтайского губернского домзака, количество государственных пайков, как видно из данных таблицы 1 [2, л. 329об.], регулярно сокращалось и было снижено до нормы, соответствующей количеству штатных мест (350 мест), а не фактическому числу заключенных. В марте 1923 г. в счет государственного снабжения можно было накормить лишь 1/3 всех заключенных.

Согласно санитарным требованиям каждый заключенный должен был получать питание по определенным нормам (табл. 2) [2, л. 156].

По медицинским показателям количество калорий для заключенных, не занятых физическим трудом и занятых обыкновенными работами, должно было равняться 2 996 кал., а для занятых усиленным физическим трудом — 3 581 кал. Главное управление местами заключения скорректировало нормы питания, положенные по медицинским показаниям, исходя из реальных возможностей домзаков в условиях экономического кризиса и установило лимит, ниже которого показатели питания опускаться не могли. Распоряжением № 96 от 7 октября 1922 г. была уста-

Таблица 1

Количество пайков питания, выдававшихся в Алтайском губернском ДЗ в 1922–1923 гг.

Год и месяц	Количество выданных пайков, шт.	Количество заключенных, чел.
1922 г. Октябрь	750	1001
Ноябрь	1110	1170
Декабрь	761	1203
1923 г. Январь	490	1002
Февраль	330	903
Март	300	1015

Таблица 2

Нормы питания для заключенных Алтайской губернии согласно Госплану на 1923 г.

Продукты питания	Для не занятых физическим трудом / в золотниках*	Для занятых физическим трудом / в фунтах** и золотниках
Хлеб	72	1 ф. 24 з.
Мясо	12	20 з.
Соль	3	
Капуста	12	
Пшено	20	
Масло растительное	3	
Картофель	60	

*Золотник — 4,26 г. **Фунт — 409,5 г.

Таблица 3

Минимальная пищевая табель по установленным нормам

Продукты	Вес (в фунтах, золотниках)	Калории
Хлеб	1 фунт	840
Крупы	32 зол.	486,33
Мука подправочная	1,6 зол.	24,33
Корнеплоды	48 зол.	86
Мясо	32 зол.	188
Картофель	1 фунт	384
Жиры	4,8 зол.	155,6
Чай	0,2 зол.	–
Сахар	3,2 зол.	–
Лук	2 зол.	–
Итого:		2220, 16

новлена минимальная пищевая табель (табл. 3) [2, л. 157, 336 об.].

Несмотря на старания администрации мест заключения, выполнять норму питания удавалось крайне редко. Члены местной бюджетной комиссии, ввиду того, что дома заключения получали поддержку от государства в виде продовольственных пайков, при от-

пуске кредитов по квартальным сметам вычеркивали из сметы статью «содержание заключенных» или отпускали незначительные суммы, которые не могли удовлетворить потребности ДЗ на квартал, в лучшем случае денег хватало только на один месяц.

Из критического положения со снабжением продовольствием алтайские дома заключения смогли вый-

ти к концу 1923 г. [3, л. 13]. Реальные нормы питания заключенных удавалось приблизить к уставленным благодаря заработкам самих заключенных на внешних работах, которые оплачивались в том числе и продуктами. Открытие при ДЗ мастерских и сельскохозяйственных ферм также давало возможность получать дополнительные продукты питания для заключенных, создавало материальную базу для привития им профессиональных навыков и «перевоспитания трудом».

По данным на сентябрь 1922 г., заключенные барнаульского ДЗ были привлечены на внешние работы в сторонних организациях в количестве 303 чел., 87 чел. использовались на хозяйственных работах для нужд ДЗ (на сельскохозяйственной ферме, заготовке дров, рыбалке, сенокосе) [4, л. 3–4об.]. Таким образом, к трудовой деятельности удавалось привлечь только около 1/3 заключенных. Возможность трудиться на внешних работах давала перспективы не только получения личного заработка, но и возможности для совершения побегов, чем активно пользовались заключенные — побег с внешних работ были распространенным явлением. Полностью задействовать весь состав заключенных на работах не представлялось возможным, во-первых, из-за ограниченного количества мест для трудовой деятельности в пределах самих мест лишения свободы, во-вторых, использовать на внешних работах следственно-заключенных и осужденных к строгой изоляции преступников запрещалось. На практике получалось, что 160–200 человек обслуживали и обеспечивали нужды 1000 заключенных, согласно статистике 1923 г. [2, л. 10].

Согласно данным финансового отчета губернского дома заключения за 1922–1923 г., основной статьей дохода для данного учреждения являлись внешние работы по договорам подряда (58,4%) [2, л. 11]. Из этого следует, что получение средств во многом зависело от наличия среди контингента мест заключения категории заключенных, подходящих для использования на внешних работах. В 1923 г. администрации домов заключения удалось повысить процент заключенных, занятых на работах, до 49,6%, в 1922 г. этот показатель был равен 39,3%, в 1921 г. — менее 30% [2, л. 339об.].

Постепенно возрастали и возможности занятия заключенных производительным трудом в пределах самих ДЗ. Несмотря на недостаток инвентаря и помещений, расширялась сеть внутренних мастерских. В барнаульском ДЗ в 1923 г. была возобновлена деятельность пимокатной и овчинной мастерских, построена паровая мельница производительностью до 300 пудов зерна в сутки и просушка. В Алтайском ДЗ функционировало следующее количество мастерских: столярных — 2, сапожных — 2, портновских — 2, кузнечно-слесарных — 2, переплетных — 2, бондарных — 2, шорных — 2, жестяных — 2, пимокатных — 1, овчинных — 1, всего — 18 [2, л. 339].

Указанные мастерские выполняли заказы самих ДЗ, местных учреждений и частных лиц.

Сельскохозяйственная деятельность мест заключения также постепенно расширялась. В 1922 г. барнаульский ДЗ обрабатывал 75 дес. земли, в 1923 г. — уже 161 дес., к концу года площадь используемой земли увеличилась еще на 200 дес. [2, л. 339об.]. Создаваемые при домах заключения и обрабатывавшиеся трудом заключенных огороды позволяли запасаться овощами для внутренних нужд, устраняя необходимость покупать их на рынке.

Важной характеристикой бытовых условий содержания заключенных являлось санитарное состояние мест лишения свободы. Оно во многом определялось чрезвычайной переполненностью мест заключения. В Алтайском губернском ДЗ, по данным на 1923 г., на 340 наличных мест по факту приходилось в среднем 1100 чел. В 1923 г. в своем отчете помощник прокурора Леонтович отмечал, что два корпуса губернского дома заключения с 20 камерами, рассчитанными на 340 человек, содержали 1278 чел. [2, л. 156]. В 1922 г. на одно место приходилось около трех человек (2,69), в 1923 г. уже 4 человека делили одно место. Показатели плотности пытались снизить за счет применения амнистий, объявлявшихся в честь важных государственных событий. В конце 1923 г. деятельность Комиссии по амнистии, проведенной в связи с образованием СССР, несколько разгрузила дома заключения. Однако, как правило, эффект от подобных мероприятий был краткосрочным.

Вот как описывает санитарное состояние губернского ДЗ в своем отчете инспектор мест заключения в 1923 г.: «...страшная скученность, отсутствие вентиляции, внешний вид заключенных желтый, анемичный, изможденный, что говорит о том, что арестованные задыхаются в столь тяжелом воздухе, отравленном запахом отхожих мест. Здание старое, ветхое, натопить зимой невозможно, также постоянно грозят обвалы...» [5, л. 112]. Перегруженность мест заключения приводила к распространению эпидемических заболеваний, в частности тифа, туберкулеза и др. В условиях домов заключения здоровые заключенные вынуждены были находиться в одной камере с больными, что способствовало распространению заболеваний и увеличению смертности в периоды эпидемий.

Нарушение санитарно-эпидемиологических норм содержания заключенных обуславливало высокий уровень смертности в домах заключенных. Согласно статистическим данным, показатели смертности в ДЗ Алтайской губернии были нестабильными. В течение 1922 г. количество умерших заключенных держалось на уровне 10 человек в месяц в губернском ДЗ (по бийскому ДЗ данные отсутствуют), в 1923 г. — в Бийске умирали 13 человек в месяц, в Барнауле — 26 (в летние месяцы уровень смертности в барнауль-

ском ДЗ был еще выше — около 40 человек в месяц [2, л. 332]. Резкие перепады уровня смертности говорят о том, что администрация и медчасть ДЗ не обладали ресурсами для контроля над ситуацией, поэтому результаты определялись случайными обстоятельствами: насколько устойчивы и физически здоровы заключенные, чтобы выжить в антисанитарных условиях ДЗ, насколько холодной будет зима и жарким лето. Больницы при домах заключения были рассчитаны на 75 койко-мест, тогда как число стационарных больных в среднем составляло 3818 человек в месяц. Приведенные цифры свидетельствуют о катастрофическом положении ДЗ в отношении предоставления медицинских услуг.

Таким образом, недостаточность материальной базы и скудность финансирования существенно ограничивали возможности выполнения возложенной на администрацию домов заключения идеологической задачи по перевоспитанию преступников в «людей социализма». Несмотря на то, что основным средством перевоспитания был признан такой доступный инструмент, как физический труд, на деле оказалось невозможным задействовать весь контингент домов заключения в трудовой деятельности. Затрудняли решение поставленной задачи несколько обстоятельств: наличие категорий заключенных, требующих спе-

циального режима содержания, ограниченное количество трудовых площадок, недостаток персонала для конвоирования заключенных на внешние работы и др. В силу всех перечисленных обстоятельств практика трудового перевоспитания носила ограниченный характер, в лучшие годы домам заключения удавалось задействовать лишь около половины своих подопечных.

Нельзя недооценивать тот факт, что идеология «перекорки» уголовных преступников исходила из абстрактных и утопичных идей, оторванных от реальности, а также являлась частью антагонистических воззрений в отношении дореволюционного прошлого как носителя всего того, что нужно изжить в новом советском обществе. На практике оказывалось, что преступники, даже после некоторого пребывания в местах лишения свободы, при случае не упускали возможности совершить побег и вновь заняться привычной деятельностью. В результате к концу 1920-х гг. политический курс в отношении борьбы с преступностью был изменен в сторону применения жестких репрессивных мер, а уголовные преступники, ранее квалифицировавшиеся как «социально близкие», стали рассматриваться как «социально вредные» элементы.

Библиографический список

1. Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918–1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. — М., 2009.

2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. Р-30. — Оп. 2. — Д. 25.

3. ГААК. — Ф. Р-30. — Оп. 2. — Д. 4.

4. ГААК. — Ф. Р-30. — Оп. 2. — Д. 12.

5. ГААК. — Ф. Р-30. — Оп. 2. — Д. 58.